

После нескольких дней тряски в дороге я, наконец, оказалась под стенами дворца. Поздняя ночь освещалась холодной луной, и высокие стены, казалось, придавливали меня гнетущей тяжестью. Мое сердце было как на иголках. По моей оценке, стены были примерно в три-четыре чжана(1) высотой. Сделав глубокий вдох, я посмотрела вверх. Хорошо, что я восстановила большую часть своих навыков, иначе у меня могли бы возникнуть проблемы с тем, чтобы забраться на верх стены. Собравшись с духом, я обвязала концы своей мантии вокруг талии и взлетела в воздух, одним прыжком запрыгнув на стены дворца.

Было немного влажно, и время от времени в воздухе раздавались крики птиц. В этой части дворца не было деревьев, поэтому было трудно идти вдоль стен при лунном свете. Я затаилась, чтобы дожидаться своего шанса, пока мимо не прошел молодой евнух, и ударила его камнем. Он мгновенно упал без памяти, позволив мне стащить его одежду. Приняв робкую позу, я продолжала прогуливаться вдоль дворцовых стен, в мрачном молчании озираясь по сторонам. Моя память о местности привела меня к покоям императора.

Северная сторона была темной, временами освещаемой пятнами света от фонарей проходящих мимо людей. Выглядело так, словно в патруле было довольно много стражников, как если бы они приняли дополнительные меры предосторожности. Я немедленно повернулась, чтобы пойти в другую сторону, но их шаги только приближались. Никто не мог прогуливаться по императорскому двору ночью. Не говоря уже о том, что одеяние моего евнуха было довольно плохо подогнано, так что внимательный осмотр определенно испортил бы мою маскировку. Я быстро вскочила на карниз, чтобы затаиться, прячась в темноте.

“Кто там?!” - потребовал голос.

С потемневшим лицом я низко подползла к черепице крыши, чтобы взглянуть. Мимо, заложив руки за спину, шел евнух, встречая приближающийся патруль. Несмотря на то, что он ничего не говорил, в нем чувствовалась внушительная аура.

Патрульный поднял фонарь, чтобы осветить евнуха, и быстро сменил выражение лица на улыбку. Он поклонился и сказал: “Так это был Главный Евнух Ли.”

Главный Евнух Ли....??

Я впала в транс. Хотя освещение было тусклым, я ни за что не перепутала бы этот голос и эти черты лица. Это был Маленький Ли. Тот же самый Маленький Ли, который раньше прислуживал мне, теперь был главой евнухов. Единственная разница теперь заключалась в том, что он не дрожал от страха, а его умная улыбка несколько поблекла. На смену ей пришло спокойное и уравновешенное выражение лица, словно бы он всегда был таким.

“Император приказал добавить больше стражников в эти последние дни”. - кажется, он склонил рот в мою сторону, почти как если бы он улыбался: “Есть много убийц, которые приходят осенью”.

Этот человек придавал своим словам двойственное значение.

Я затаила дыхание и ускорила шаги, так что обнаружить меня должно было быть невозможно.

Раньше я думала, что после того, как меня похитили, он будет наказан, так как он был моим личным слугой. Но теперь...

Главный Евнух?

Я не могла этого понять. Но я увидела, как из-за угла появилось еще несколько стражников, в том числе несколько лучников... Пот стекал по моему лбу. Похоже, выманить императора из дворца оказалось сложнее, чем я думала.

Пфе! Я подумаю о другом способе.

В связи с приближающейся свадьбой в тихом и мрачном дворце была усилена охрана, в то время как в доме генерала шли торжества. Звуки снаружи и внутри сливались воедино с оживленными приготовлениями повсюду. Конечным результатом было то, что мне удалось проникнуть внутрь, и я не могла не ощутить самодовольства.

Неудивительно, что все люди снаружи обсуждали, как выглядит дочь генерала. Теперь, когда я увидела ее собственными глазами, она на самом деле была яркой и красивой. Ее фигура тоже была мягкой и податливой, как вода...

Нагнувшись на крыше, я смахнула в сторону осколки черепицы, чтобы взглянуть поближе. Нежная и грациозная фигура сидела прямо, повернувшись ко мне спиной, как если бы она только что закончила принимать ванну. Там была служанка, заворачивающая ее ниспадающие волосы в полотенце, чтобы собрать их: "Юная госпожа, ваша служанка принесет вам немного благовоний".

В ответ раздался кристально чистый голос, сладкозвучный, но наполненный аристократической аурой: "Скажи маме(2), чтобы она зашла. Есть еще несколько моментов в завтрашней церемонии, которые я не могу вспомнить, поэтому я хотела бы попросить ее повторить их для меня".

Ответив утвердительно, служанка закрыла дверь и вышла, чтобы отдать свои распоряжения. Прошло совсем немного времени, прежде чем появилась женщина лет сорока-пятидесяти и почтительно встала у двери. Тем временем служанка направилась к южным воротам. Я использовала свою технику легкости, чтобы последовать за ней, после чего вырубил ее, забрала ее одежду и изменила свое лицо, чтобы принять ее личину.

Лицо этой служанки было очень заурядным, поэтому его было легко скопировать. Поправив свою одежду, я достала пилюлю и сунула ей в рот, после чего подняла ее тело к потолку, чтобы привязать к стропилам. Судя по всему, она, вероятно, не очнется в течение семи-восьми дней.

Я пошла по тропинке обратно в комнату ее хозяйки, потратив время на то, чтобы выровнять дыхание, после чего вошла в комнату и закрыла за собой дверь. Мама уже объясняла подробности Юной Госпоже внутри, но кивнула, когда я вошла. Она продолжила тихим голосом: "Кто-то из дворца пришел сказать моему хозяину, что, когда госпожа будет готова выйти, она может сесть в приготовленный паланкин, чтобы отправиться во дворец. Множество

слуг пришли служить вам по этому случаю, и сам паланкин великолепен.”

“Почему мы должны тащиться туда ночью? Разве отец не сказал, что завтра утром за мной приедут дворцовые чиновники?”

“Я слышала, что это была идея императора”.

Эта изящно красивая девушка издала тихий смешок, прежде чем повернуться ко мне: “Ну что, ты принесла благовония?”

“Да, это будет готово через минуту”.

Я повернулась, чтобы вытащить немного благовоний из рукава, и положила их в подставку для благовоний. Струйка светлого дыма поднялась в воздух, когда любопытная мама подошла, чтобы развеять дым. Она засмеялась, сказав: “Вещи из императорского дворца такие красивые. Даже аромат их благовоний другой.”

Это было...

...что-то, что я сделала сама. Это не только приятно пахло, но и имело некоторые другие свойства. Я спрятала лицо, чтобы тайно посмеяться.

“Становится поздно. Поторопись со своими приготовлениями. Не откладывай важные дела госпожи.”

"Да." - я подняла курильницу с благовониями, неся с собой низкий столик, чтобы поставить оба этих предмета позади госпожи. Когда дым от благовоний поднялся и медленно наполнил комнату, я начала расчесывать ее волосы. В бронзовом зеркале красавица закрыла глаза, словно наслаждаясь запахом. Мама помогла накрасить ее лицо, прежде чем улыбнуться госпоже.

“Когда госпожа будет готова, позовите, и ваша служанка выйдет наружу, чтобы встретить вас”.

Ей никто не ответил. Мама не могла удерживать улыбку бесконечно, поэтому быстро ретировалась и закрыла за собой дверь. Я наклонилась вперед, чтобы взглянуть на отражение госпожи в зеркале. Ее изогнутые брови были похожи на ивовые листья, и были расслаблены от наслаждения благовониями. Пока я наблюдала, они слегка приподнялись, чтобы соответствовать ее растущей улыбке.

“Айя... ты причинила мне боль”.

“Ваша служанка заслуживает смерти”. - я поспешно ослабила хватку, но умудрилась выронить расческу. Она уставилась в зеркало, утешая себя тем, что приглаживала свои волосы, смотря на меня: “Сяо Цуй(3), раньше ты не была такой неуклюжей. Что с тобой сегодня не так?”

Когда красавица сердилась, ее миндалевидные глаза расширялись, а улыбка становилась

холодной. Это было бессознательное действие, которое выдавало ее мысли и противоречило присущей ей грации, довольно трудной для подражания. Я долго стояла на коленях на земле, приняв смущенный вид.

“Юная госпожа собирается во дворец, чтобы стать императрицей, поэтому ваша служанка продолжала думать о вас. Я боюсь, что у меня больше не будет шанса служить вам.”

Эта госпожа родилась красивой, но обладала героическим наклоном бровей, редко встречающимся у других женщин. Если бы она занималась делами внутреннего двора, то, вероятно, стала бы очень искусной. В конце концов, женщина императора должна быть кем-то с капелькой смелости. Так я думала про себя, держа голову склоненной, тайком ощупывая свои рукава. Но она на самом деле схватила меня и заговорила, улыбаясь.

“Только посмотри на себя... Я уже поговорила с отцом, чтобы мне взять с собой нескольких слуг. Все дворцовые евнухи странные и чопорные, и, конечно, ни одна из придворных дам не будет так близка ко мне, как служанка из моего дома.”

Все мое лицо было наполнено благодарностью, когда я последовала за ее движением руки, чтобы встать. Затем я тихо заговорила: “На самом деле, вам не нужно причинять себе такие неудобства. Юной госпоже также не нужно будет беспокоиться о том, что происходит во дворце.”

Она удивленно посмотрела на меня.

Я вытащила руку из рукава и рассыпала ей по лицу оглушающий порошок. На моем лице была простая улыбка, когда я неторопливо добила ее: “Потому что...”

“...я собираюсь стать той, кто войдет во дворец”.

Внутри дворца.

“Благоприятный час настал!” - раздался снаружи голос евнуха.

В глубине комнаты женщина мягко подняла брови, такая же спокойная и неторопливая, как и раньше. Слабый утренний свет падал на ее тело. Брови, подобные этим... напоминали мрачные листья ивы, и когда они хмурились, то выдавали чувства этой в остальном жизнерадостной девушки. Она обладала героическим наклоном бровей, который редко встречается у других женщин. Когда она подняла рукав, тонкие пальцы коснулись ее висков, слегка задрожав.

Стоя перед зеркалом, я тщательно провела рукой по своему лицу, набирая немного румян на указательный палец, чтобы нанести на губы. Их цвет был насыщенным, празднично красным. Некоторое время спустя, когда я закончила свои приготовления, в желтой бронзе зеркала появилось незнакомое лицо. Что касается особы, предназначенной стать императрицей, я спрятала ее под кроватью в доме генерала. Вероятно, она все еще была без сознания.

Благовония были хорошего качества, они заставляли людей ослаблять бдительность. Вдыхание

этого запаха в течение длительного времени фактически истощало силы человека, пока он не становился слишком слаб, чтобы даже позвать на помощь. Было легко подражать осанке этой госпожи и копировать ее лицо. Что касается ее голоса, мне просто нужно было добавить мягкие слоги речи девушек с юга и их манеру говорить. Все еще было чрезвычайно трудно точно имитировать ее тон речи, но у меня не было возможности узнать, насколько Хань Цзычуань был знаком с этой женщиной.

У меня все еще был какой-то затяжной страх, когда я вспоминала, как украла должность императрицы у дочери генерала. Я только что закончила подправлять маску для лица, когда Маленький Ли... нет... ..теперь я должна называть его Главным Евнухом Ли. Кажется, он вежливо вошел как раз вовремя, после чего позвал группу людей, чтобы отвести меня к паланкину. Даже после этого мы не ушли сразу, а задержались на некоторое время. Я только слышала, как он обменивался вежливыми, насмешливыми любезностями с генералом. И затем... я смутно припоминаю, как мы ушли через северные ворота.

“10 000 благословений для Вашего Высочества”. - прорвался голос сквозь мои мысли. Я пришла в себя и увидела придворную даму, приветствующую меня с носовым платком в руке.

Ваше Высочество...

Мне еще даже не присвоили титул, но она все еще приветствовала меня так естественно.

“Благоприятный час настал, так что ваша служанка поможет Вашему Высочеству переодеться”.

Я осторожно поднялась со стула, мое лицо ничего не выражало, пока она умывала и одевала меня... как оказалось, красные церемониальные одежды, разложенные передо мной, были точно такого же покроя, как и те, которые я примеряла раньше для высокопоставленной императорской наложницы. Только вышивка была другой, с гораздо большим количеством фениксов и золотых, вышитых бисером драконов.

Я не смогла удержаться от издевательского смеха.

О чем именно думал Хань Цзычуань...

Изначально я думала, что у него есть чувства к Фан Хуа. Теперь, когда Фан Хуа умирал, он даже не потрудился узнать о нем... и все же, он позволил Фан Хуа жить одному все эти годы в его холодном и пустом доме.

Что касается того, как он относился ко мне, то раньше я думала, что он любит меня. Но когда меня украли из дворца, он все еще мог жить своей жизнью, как и раньше. Это было бы нормально, если бы он никого не посылал искать меня, но теперь ему вдруг захотелось жениться на этой императрице? Как смешно.

Один за другим слои одежды давили на меня до тех пор, пока мне не стало трудно дышать. С короной феникса на моей голове даже ее кожа болела. У женщины в зеркале была белая кожа и ярко-красные губы, от ее туманного красного отражения исходила ликующая аура. Но она не

была кем-то, кого я знала.

Кто-то помог мне сесть в карету императорского феникса. Этот маленький евнух был гораздо более встревожен, чем я, и почти силой втянул меня внутрь. Как странно. Было непохоже на то, чтобы дочь генерала отказывалась от этого брака.

В чем была его проблема...

Мое сиденье немного покачнулось, и я ухватилась за что-то для опоры, когда мы начали движение. Я отодвинула занавески, чтобы выглянуть наружу, и увидела золотые стены с красной плиткой, широкую и пустынную аллею и группу евнухов, следующих за мной легкими и тихими шагами.

Мы прошли вглубь дворца.

Когда Фан Хуа жил в Холодном Дворце, ему, должно быть, было так одиноко. Как я могла даже подумать о том, чтобы оставить его тогда? Порыв ветра пронесся мимо высоких стен, отягощая мое сердце горем. Так много хаотичных сцен из прошлого всплыло в моем сознании....

“Ваше Высочество”. - тихо сказал кто-то.

Я не ответила.

“Уважаемая императрица”. - произнес ровный, сильный голос, после чего кто-то мягко нажал на руку, держащую шторы открытыми. Я пришла в себя и подняла глаза, чтобы увидеть полуулыбку на лице Главного Евнуха Ли: “Это ваш счастливый день. После сегодняшнего дня вы будете хозяйкой этих шести дворов, так что не делайте такого лица.”

Его напоминание было разумным. Я прищурилась на него, после чего выдавила из себя улыбку.

После сегодняшнего дня ты также не сможешь найти императора.

“Пожалуйста, показывайте дорогу”.

Различные придворные дамы помогли мне выйти из императорской кареты, когда я положила руку на предложенный рукав Главного Евнуха Ли. Он шел в чрезвычайно почтительной манере, склонив голову. Вид его невозмутимого выражения лица поверг мое лицо в транс.

Маленький Ли, когда меня забрали из Двора Долгой Весны, ты, должно быть, приложил немало усилий, чтобы найти меня.

От служения Фан Хуа в том же дворе до последующего служения мне, а затем став главой всех евнухов, чтобы служить самому императору, он поднялся на довольно большую высоту. Я слегка надавила на его рукав, мои пальцы усилили хватку. Он удивленно посмотрел на меня, прежде чем снова опустить голову, не совсем понимая.

Разумеется...

Я не стану выводить тебя на чистую воду. У меня все еще оставалось достаточно времени, чтобы спросить самого Хань Цзычуаня. Человек, твердо стоящий на платформе внутри большого зала, вероятно, даст мне все ответы, которые необходимы.

“Ваше Высочество, сделайте глубокий вдох. Не нервничайте». - мягко сказал Главный Евнух Ли, подходя ближе.

Нервничать? Мое тело тряслось от возбуждения. Я слегка улыбнулась и сдержала свое колеблющееся сердце.

“Вы прибудете после поворота налево. Поскольку сегодня день вашей свадьбы, евнухам вроде нас не разрешается помогать вам. Пожалуйста, будьте осторожны, Ваше Высочество». - говоря, Маленький Ли наклонился вперед, после чего отступил на несколько шагов. Затем он встал на некотором расстоянии, не слишком далеко, чтобы наблюдать за мной. Я не могла определить, какое у него было выражение лица, но это заставило меня задуматься.

Держась прямо, я осторожно подняла голову, выпрямила спину и продолжила идти. За поворотом стало светло, а потом... слышались звуки музыки. Там был красный ковер, расшитый золотыми фениксами, и все было тихо, если не считать музыкальных инструментов. После того, как служитель внутреннего двора последовал за мной, я слегка наклонила голову, чтобы приподнять мантию, и сделала первые шаги по каменной лестнице. Вокруг меня раздавался звук сдерживаемого дыхания, и вся сцена была торжественной и достойной.

Фигура на вершине каменных ступеней постепенно обрела четкость. Хань Цзычуань медленно повернулся, чтобы посмотреть на меня, его спина была идеально прямой... Улыбка на его лице была мне хорошо знакома, наполненная внушительными манерами монарха и тонкими вариациями его настроения. И все же его улыбка не коснулась глаз.

Вспомнив все, что он сделал со мной на кровати дракона, и все, что он спрятал от меня за этими занавесками, за этим прерывистым дыханием, я была вне себя от ярости. Высоко подняв голову, я уставилась на него. Поджатых губ и безразличия в его глазах было достаточно, чтобы у меня заболели ладони.

Хань Цзычуань, ну и что с того, что ты правящий император? Ты все еще не в состоянии покрыть Небеса только своими руками. Я, Шао Хуа, обязательно заставлю тебя вернуть все то, что ты отнял.

Он бросил на меня настороженный взгляд, но я уже давно стерла следы намерения убить со своего лица. Затем его взгляд случайно соскользнул с моего лица, когда он взялся за мою руку, чтобы завершить древние приветствия, принятые в императорском доме. Его высокая фигура полностью окутала меня. Когда я подняла голову, чтобы посмотреть на него, я все еще могла видеть его решительное, красивое лицо сквозь нити жемчуга, свисающие с моей короны феникса. Его лицо было бесстрастным и не выражало никакой радости; на самом деле, он даже казался нетерпеливым.

Это был человек, которого Фан Хуа не смог бы забыть, даже если бы умер. Тот самый, которому

он хотел отправить свое тело после смерти.

Это был человек, который мог спасти Фан Хуа... моего самого дорогого человека на свете.

Я заставила себя сопротивляться постоянному желанию придушить его. Во дворце было так много экспертов высокого уровня, что я не могла быть уверена, что смогу сбежать с ним отсюда. Так долго, как я смогу продержаться до ночи... Я сдержала большую часть своего убийственного намерения и сделала глубокий вдох, желая, чтобы мои брови приняли безмятежное выражение. Может быть, мои нервы были слишком взвинчены, но никто никогда не говорил мне, что эта дрянная церемония должна была продлиться весь день. Мне приходилось переходить из одного места в другое, и как только я добиралась туда, мне приходилось кланяться, кланяться и еще раз кланяться. Я даже не думала об этих вещах, потому что мои путешествия в предыдущие дни не давали мне времени на отдых. Теперь меня полностью одолела усталость, достаточная для того, чтобы почувствовать сонливость.

Эти дурацкие обряды, как оказалось, длились с раннего утра до заката. После этого мы отправились в главный зал и получили поклоны всех гражданских и военных чиновников. Кто-то поддерживал меня, когда я шла. Изначально я должна была сидеть рядом с императором, но я слишком устала, чтобы обращать на это внимание, и устроилась в ближайшем кресле отдохнуть. Как только мое тело расслабилось, мои ноги превратились в желе, и я покачнулась в сторону, падая на землю. Моя задница больно ударилась о резной золотой стул.

Император бросил на меня удивленный взгляд, глаза его были необычайно пристальными. Уголки его губ, казалось, сопротивлялись желанию рассмеяться. Только тогда я решила сесть прямее, выражение его лица стало невероятно жестким. Я покосилась вниз, где чиновник, ответственный за обряды, громко читал со свитка... это звучало немного похоже на классический китайский, но я понятия не имела, что он говорил, кроме жужжания десяти тысяч комаров у моего уха. Слушая его, я теряла терпение.

После того, как он закончил читать, раздался громкий крик: "Пусть император проживет десять тысяч из десяти тысяч десяти тысяч лет, пусть императрица проживет 10 000 из 10 000, из 10 000 лет".

Кто-то снова пришел, чтобы помочь мне подняться, и я медленно, покачиваясь, выбралась наружу. Только после того, как я подняла голову, я поняла, что свет становится тусклым. Небо над высокими стенами было туманным, взволнованно-серым. Я не могла не чувствовать давления и неловкости.

Императорский паланкин ждал снаружи, окруженный рядами коленопреклоненных слуг. Их серо-голубые одежды не привлекали особого внимания, а их склоненные головы только создавали картину благочестивой преданности. Группа людей окружила императора, когда он подошел. Меня поддерживала группа придворных дам, но на полпути я остановилась, чтобы посмотреть, куда подевался мой собственный паланкин. В ответ императорский паланкин остановился прямо передо мной, его сидящая фигура заслонила остальную часть заходящего солнца. Тень упала на меня, когда я увидела смесь сверкающих цветов, красную веревку, обвязывающую кусок необработанного нефрита на его талии, и мантию, расшитую золотыми драконами, ослепляющими мои глаза, когда он протянул руку.

Некоторое время я молча стояла, прежде чем бессознательно поднять руку, чтобы взять его собственную... итак, мы могли бы прокатиться вместе. Паланкин снова подняли, но на этот раз

поездка была гораздо более комфортной, нас лишь слегка трясло. Хотя внутри было достаточно просторно для одного человека, мы почти соприкасались плечом к плечу друг в другом.

Далекие дворцовые стены мелькали мимо, пока мы сидели в тишине. Он крепко держал меня за руку, глаза смотрели вперед, когда он нежно поглаживал меня своими пальцами. Я нахмурила брови и отвернулась, чувствуя отвращение, но не в силах выразить себя. Внезапное стеснение в моей груди сменилось глубокой печалью.

Даже прожив с ним вместе столько лет, я была не в состоянии раскусить его.

После того, как мы вышли из экипажа, мама провела меня в главный зал и с бесстрастным выражением на лице помогла мне переодеться. Император не последовал за нами, как это было принято. Это были вещи, которые люди говорили мне снова и снова, пока я готовилась взять на себя роль императорской наложницы самого высокого ранга. Из этого зала в тот зал вы должны были переодеться в такую-то одежду, пройти столько-то шагов, поклониться определенным образом, а затем переодеться в другую одежду... Я никогда не предполагала, что присвоение титула императрице будет еще более сложным делом. Я очищала свое тело с утра до сегодняшнего дня, пока полностью не онемела... Забудьте о том, чтобы прятать яды в своей одежде, со всеми изменениями в гардеробе, которые у меня были, скрыть что-либо было бы невозможно.

Видя, как придворные дамы встряхивают снятые с меня мантии, смотрят в землю, затем аккуратно складывают их снова, я не смогла сдержать мягкой улыбки. Как только я предположила, что они проверят все, я не взяла с собой свой ассортимент крошечных бутылочек для пилуль. С моим нынешним уровнем боевого мастерства, в любом случае, не было необходимости использовать эти вещи.

Придворные дамы встали на колени вокруг меня в круг, ловкими движениями снимая с меня украшения, в то время как я хранила молчание. Опустив глаза, я спокойно надела предложенную ими одежду - на этот раз белую, как снег, мантию из какой-то развевающейся ткани, которая была удивительно теплой на ощупь. Я не могла не сдвинуть брови, чтобы облегченно вздохнуть. Снаружи доносились тихие ноты музыки, а также звуки чьего-то пения - немного раздражающие.

Двери были распахнуты настежь.

Вошла группа людей, чтобы расставить еду и (конечно же) вино по всей комнате. Я отвернулась и подошла к кровати, прежде чем одарить их ледяным взглядом и поправила свою одежду, усаживаясь на кровати.

Сегодня был день моей свадьбы.

И все же это было для правящего императора Хань Цзычуаня. Если бы моим женихом был ифу, то как бы я себя чувствовала вместо этого...

Я не думаю, что была бы так равнодушна.

Кто знает, как дела у Фан Хуа сейчас, дома? Если он узнает, что я ушла... будет ли он беспокоиться обо мне?

Освещение в комнате было очень теплым. За закрытыми бумагой окнами двигались фигуры в форме человека, и кланяющиеся, скребущиеся слуги следили за тем, чтобы их шаги были предельно легкими, когда они шли неторопливо, согнув тела. Мое зрение на мгновение затуманилось, после чего я тупо опустила на колени, моя рука крепко сжала ткань, пока мои пальцы не заболели. Фан Хуа, ты должен держаться. Я определенно рискну своей жизнью, чтобы вернуть тебе Хань Цзычуаня...

Дверь издала гнетущий скрип.

“Вы все свободны”. - произнес холодный и бодрый голос.

Я увидела, как перед моими глазами появилось одеяние с оттенками полумесяца. Ткань казалась чрезвычайно мягкой. Он наклонился, чтобы сесть рядом со мной, в то время как я притворилась застенчивой и отодвинулась.

“Я знаю тебя так долго, но я и не подозревал, что у тебя бывает и такое выражение лица”. - Хань Цзычуань придвинулся ближе, его запах был прохладным и освежающим. От него не пахло вином, но его слова звучали почти пьяно из-за того, как он позволял себе вольности.

Я замерла.

Он положил руку мне на колено, чтобы взять мою собственную, прежде чем медленно усилить хватку. Я застыла, подняв глаза, чтобы встретиться с его глазами и радостной улыбкой. Дверь за ним медленно закрылась... и странное чувство поднялось к моему сердцу.

“Ваше Величество, я...” - он использовал руку, чтобы остановить движение моих губ, тонкие пальцы источали аромат холодного воздуха снаружи. Это был незнакомый запах.

“Тебе не нужно говорить слишком много. Я утомил тебя сегодня”. - на лице Хань Цзычуаня было написано извинение, когда он поднял руку к моей голове, чтобы снять тяжелую корону феникса. Сразу же мои темные волосы рассыпались по плечам. Взгляд его глаз затуманился, когда он одной рукой оперся о кровать, придвигаясь ближе: “Чжэнь долго ждал этого дня”.

Я испытала чувство страха. Из-за его внезапных заигрываний мне было трудно увернуться от него. Слова, которые он произнес, были твердыми, но наполненными каким-то глубоким смыслом, когда его руки опустились, чтобы потереть мои виски. Его глаза блуждали от моих губ к моему носу, моему лбу, моим глазам... как если бы он приклеился к моему лицу.

“Удобно?”

Что... имело ли значение, было ли это удобно или нет, почему его голос звучал так эротично, когда он говорил?

Он, наконец, остановил свои руки, когда снова придвинулся, на этот раз, чтобы внимательно осмотреть меня, опустив голову. Его голос был нежным, когда он заговорил: “Чжэнь(4) спросил, удобно ли тебе, когда я глажу тебе голову. Где витают мысли айфэй(5)?”

“Ваше Величество очень хорошо обращается с цешэнь(б)”. - неопределенно сказала я, мое лицо ничего не выражало, когда я снова притворилась застенчивой.

Его улыбка была теплой, когда он повернулся, чтобы налить немного вина. Тусклый желтый свет лампы освещал его фигуру и делал сцену особенно нежной в сладкой, мягкой атмосфере. И все же это зрелище оскорбило меня. Хань Цзычуань, кем я должна тебя считать? Ты на самом деле так обращаешься с дочерью генерала... почему ты не мог просто относиться ко мне или Фан Хуа с такой же теплотой? Даже если это было бы всего лишь на чуточку добрее...

...похоже, наши годы совместной жизни в бамбуковом лесу все еще не могли сравниться с дочерью этого генерала.

Я испытующе смотрела на него, разжимая руку, сжимавшую носовой платок. Его тело было гибким и стройным, каждое мгновение он был подобен монарху. Я собрала с духом, прежде чем медленно встать с кровати, и закатала рукава, поднимая и циркулируя свою ци, приготовясь к неожиданной атаке....

“Пойдем, выпьем по чаше с Чжэнем”. - сказал он, внезапно оборачиваясь. Я быстро отдернула руку, чувствуя легкое раздражение. Он поднял бровь и полуулыбнулся, глядя на меня: “Почему императрица встала с постели? Если ты устала, тебе следует посидеть еще немного.”

Мне протянули нефритовую чашу, но я держалась на расстоянии и отказалась ее взять. Он, кажется, не возражал, но добродушно рассмеялся, после чего наклонился и прошептал мне на ухо:

“Мы уже муж и жена, но Шаоэр, ты все еще такая сдержанная”. - он спокойно смотрел на меня, улыбаясь, зрачки его глаз были неописуемо глубокими.

Я была поражена. Этот человек... с каких это пор он обнаружил, что я не дочь генерала? С каких это пор он заметил во мне что-то ненормальное?..

Пока я разевала свой рот, не было времени среагировать, так как он схватил меня за руку и спокойно окутал своей фигурой. В этом тепле и этих темных глазах была скрыта тайная привязанность, настолько глубокая, что она угрожала растворить меня в своей интенсивности. Он продолжал безмятежно улыбаться, но нежно поцеловал меня в губы, когда заметил, что я все еще пребываю в шоке.

“Чжэнь знает... ты ненавидишь расставаться с Чжэнем, поэтому в конце концов все равно вернулась бы.”

(1) zhang (张) 张 чжан, китайская единица измерения. 1 чжан = 3,33 метра, так что три-четыре чжана означают стены высотой не менее 12 метров.

(2) mama (妈妈) – мама. Не мать, а термин, обозначающий пожилую служанку, обычно кормилицу.

(3) Xiao Cui (小翠) – Сяо Цуй. Буквально переводится как “Маленький Нефрит”, прозвище служанки.

(4) Zhen (朕) – Чжэнь, эквивалент королевского «Мы», личное местоимение императора для обозначения самого себя.

(5) aifei (爱妃) – айфэй. Любимая наложница, императорская наложница, форма обращения к жене.

(6) qieshen (妾身) – цешэнь. То, как наложница/жена называет себя, обращаясь к мужу.

<http://tl.rulate.ru/book/80096/2739707>